

ОТЗЫВ
на диссертационную работу
Лакиной Светланы Валентиновны
«Ономастическое пространство дисциплины «Античная литература» (на
материале отечественных учебников для высших учебных заведений)
представленную к защите на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.5 Русский язык. Языки
народов России

Диссертационное исследование Светланы Валентиновны Лакиной посвящено актуальной для современной лингвистики и лингводидактики теме – созданию словников учебных текстов различных предметных областей. Целью исследования является описание ономастического пространства дисциплины «Античная литература», что сближает проблематику работы с вопросами, относящимися к классической филологии с одной стороны и методике преподавания – с другой. В задачи исследования входили определение методики составления частотных словников и лексических минимумов учебных и научных дисциплин; автоматизированная и ручная обработка текстов учебников, использовавшихся и используемых в российских вузах для преподавания предмета «Античная литература»; лингвостатистический анализ онимов в различных учебниках и изучение особенностей функционирования этих единиц в изучаемых текстах.

Ономастическое поле античной культуры – явление специфическое. Оно одновременно представляет собой начальный этап ознакомления с материалом (как это полагается при изучении литературы) и способ демонстрации глубокого его освоения: пушкинская «ножка Терпсихоры» и т.п. – это, конечно, традиционная для европейской культуры отсылка к античному наследию; но при этом не стоит забывать и о средневековой еще манере, особенно процветавшей во времена Ренессанса, когда привычное имя заменялось менее распространенным (т.е. номен – когноменом или этнонимом): не Овидий, а Назон (и тут опять можно вспомнить Пушкина), не Гораций, а Флакк, не Вергилий, а Марон, а то и просто Поэт, не Аристотель, а Стагирит или Философ. С одной стороны, это зависит от адресации (*sapienti*

sat, а профанам и понимать не надо), с другой – служит демонстрации собственной «непрофанности». Учебники для первокурсников, вроде бы далекие от подобных изысков, тем не менее нуждаются в усложнении ономастических рядов, потому что они все равно потом встретятся в средневековых, ренессансных и далее текстах, для филологов обязательных. Еще одна проблема – это непонятность, а иногда непроизносимость корней, особенно греческих, складывающихся к тому же в композиты: в сознании первокурсников это порождает эрративы вроде «Эвридипа» и «300 спартаковцев». Отсюда, собственно, и проистекает специфика употребления имен (вариативность и частотность) в учебниках по античной литературе. Как автор не одного такого пособия могу сказать, что при выборе конкретной лексемы работают взаимоисключающие факторы: разнообразить, как полагается, текст – и повторять имена почаще, чтобы запомнили (во избежание тех самых эрративов или именовании на экзамене авторов через первую букву имени, потому что кроме нее ничего не запомнилось); показать специфику античной литературы – и подготовить к встрече с теми же персонажами и авторами в курсах литератур последующих эпох. В свете всего вышесказанного предпринятое С.В. Лакиной лингвистическое изучение учебно-научных текстов по античной литературе представляется мне интересным и полезным с точки зрения ракурса. Сразу отмечу, что, несмотря на отказ (вполне разумный) от сравнительно-качественной оценки исследуемых учебников (с. 98), автору удалось фактическими выводами (с. 122 диссертации, с. 20 автореферата) на основании лингвостатистического подхода подтвердить интуитивное ощущение лекторов, рекомендующих в качестве основного пособия по греческой части античной литературы учебник А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи, а по римской – И.М. Тронского: процент употребления имен Гомера и Цицерона наглядно демонстрирует, на каком из этапов истории античной литературы особенно сосредоточен интерес автора учебника. Это находит подтверждение и в выносимом на защиту положении (положение №1, с. 11): «показатель частотности

употребления отдельных лексем (в данном случае – онимов) является одним из основных при характеристике того или иного дисциплинарного дискурса, а самое частотное слово, в том числе и самый частотный оним – это всегда лексема, которая важна не только сама по себе, но как элемент концептуальной схемы, или концептуального каркаса, дисциплины».

Основными результатами диссертации можно считать следующие:

- 1) формирование методики выявления и анализа ономастического пространства учебной дисциплины (методы корпусной лингвистики; количественного автоматизированного и ручного анализа, контекстуального анализа);
- 2) определение ономастического пространства дисциплины «Античная литература, состоящего из выявляющихся классы и подклассы онимических лексем: антропонимов, топонимов, теонимов, этнонимов, разделяющихся в свою очередь на тематические и нетематические;
- 3) создание частотных списков онимов, характерных для каждого из рассмотренных 9 учебников;
- 4) сопоставительный анализ полученных списков с последующим рассмотрением причин расхождения в функционировании тех или иных онимов;
- 5) определение особого статуса имён собственных в контексте рассматриваемой предметной области

Диссертация имеет стандартную структуру и состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка использованной литературы (161 наименование) и Приложения.

Во Введении указываются актуальность, объект, предмет, материал, цель, задачи, методика, методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, сведения об апробации работы, а также 10 положений, выносимых на защиту.

В Главе 1 рассматривается история изучения имен собственных, в том числе зарождение и развитие ономастики как отдельного направления лингвистики, проблематика изучения онимов (объем понятия, его определения, вопросы, связанные с установлением значений и функций онимов). В той же главе описывается понятие «ономастическое пространство», устанавливается его специфика в изучаемой области. Также излагаются сведения о понятии «лексический минимум», оценивается его роль как дидактического инструмента. Важно, что уже здесь за точку отсчета берется античность: дискуссии относительно двух теорий происхождения имён – «по природе» и «по соглашению». Правда, иногда хотелось бы пожелать большей аккуратности в обращении с античным материалом – например, не совсем понятно, что скрывается за обосновывающим актуальность работы утверждением: «На особое положение имён собственных в науке указывали ещё Гомер, Гёте и др.» (с. 15) Ладно «Гете и др», но как именно указывал на особое положение имен собственных в науке Гомер?

В Главе 2, имеющей также теоретический характер, рассматривается история преподавания предмета «Античная литература», особое внимание обращается на исторический контекст и концептуальные особенности создания учебников по античной литературе, приводятся составленные автором классификации учебников, при разработке которых диссертант проявляет творческий подход, выбирая параметры, которые оказываются существенными для дальнейшей машинной обработки данных. В той же главе обосновывается значимость имен собственных для общего словника учебников по курсу «Античная литература».

И здесь, мне кажется, для полноты картины не хватает первых текстов, которые относятся к заявленной теме: это, с одной стороны, 10 книга «Воспитания оратора» Квинтилиана, по сути первое пособие по греческой и римской словесности, которое заложило, в том числе, и то, что в работе названо «ономастическим полем античной литературы», а с другой – это

«Цветы греческой поэзии» Н.Ф. Кошанского, которые, пусть и в форме хрестоматии, содержат первый русский ономастикон античной словесности. Возможно, эти дополнения оказались бы декоративными, но есть вероятность и того, что соотнесение словников этих текстов с более привычными нам учебниками добавило бы нюансов и содержательной стороне выводов диссертантки (особенно это касается «Цветов поэзии», которые соответствуют заявленной в заглавии категории «отечественных учебников»). Хотя, конечно, в рассмотрении именно послереволюционного этапа изучения античной литературы есть свой резон.

Хочется отметить скрупулезность диссертантки в обращении с избранным материалом. Например, в отдельном подпункте рассматривается «Нормативная и методологическая база учебной дисциплины «Античная литература»» с точки зрения особого статуса имён собственных в рамках рассматриваемой предметной области (подпункт 2.4.). Здесь анализируются несколько учебно-методических комплексов, которые в настоящее время используются в различных вузах и делается следующий вывод: «Таким образом, все рассмотренные нами программы включают в своё содержание и формулировки тем имена собственные, что ещё раз подтверждает их особую позицию в рамках лексического пласта дисциплины. .... Следовательно, без их знания невозможно полноценно изучать «Античную литературу»». (с. 90). Не уверена, что вынесение собственных имен авторов в разделы программ является специфической особенностью именно античной литературы. Как можно говорить о литературе, минуя авторов? Поэтому этот раздел с эвристической точки зрения мне представляется лишним, во всяком случае в его нынешнем виде. С другой стороны, вынесенные в программы онимы представляют собой квинтэссенцию изучаемого материала – но вот рассмотрение программ именно с этой точки зрения я не обнаружила. Как соотносятся частотность употребления имен в учебниках с их представленностью в программах? Можно ли, с методической точки зрения, говорить о соответствии того или иного учебника той или иной программе?

(или наоборот, потому что некоторые программы скорее всего были составлены на основе доступных авторам учебников). Это – та полезная с практической точки зрения информация, которую хотелось бы получить в рамках подобного исследования.

Практическая часть исследования излагается в Главе 3 и Приложении.

В начальной части Главы 3 приводятся сведения о методологии исследования, его цели (лингвистическая, лингводидактическая, экстралингвистическая), этапы (компьютерная обработка текстового массива и ручная обработка и анализ полученных результатов) и общий объём (более двух миллионов (2 273 748) словоупотреблений); приводится формула для количественного анализа и описываются принципы ручной обработки полученного материала.

Далее (п. 3.2) автор устанавливает составляющие ономастического пространства дисциплины «Античная литература», оценивая обнаруживаемые в разных учебниках антропонимы, топонимы, теонимы и этнонимы по параметрам «тематичность» vs. «нетематичность», «частотность» vs. «нечастотность». И если распределение по категориям «частотность» / «нечастотность» в силу объективности этих категорий вопросов не вызывает, то «тематичность» / «нетематичность» явно нуждается в более детальном разъяснении. Например, не совсем понятен перечень нетематических топонимов на стр. 109: Италия, Персия, Египет, Сицилия, Азия, Восток, Европа, Карфаген, Александрия, Африка. Восток и Африка – пусть так. Но остальное – это употребляемые в античных текстах топонимы, причем относящиеся к области распространения античной культуры. Что делает их нетематическими? И почему Камены – нетематический теоним? Ладно Изида и Озирис, хотя тоже вопрос, их культ был весьма распространен в Империи, и в «Метаморфозах» Апулея Изида уж точно – теоним тематический. Но Камены – римская версия Муз, эта лексема встречается уже у Ливия Андроника в его переводе «Одиссеи» как раз там, где в оригинале – Муза.

Схожие проблемы и с нетематическими этнонимами (с 110): перс, александриец, германец, финикийнин, скиф, карфагенянин, этруск, сириец, трахинянки, помпеянец. Персы и финикийцы – это часть греческого мира, они присутствуют в античных текстах. Почему александриец нетематический топоним, при том, что антиохиец внесен в перечень тематических? Тем более что на с. 145 диссертантка справедливо замечает, что «Единицы эолиец и александриец могут выступать в качестве названия людей по месту проживания, но в контексте дисциплины "Античная литература" эти онимы приобретают второе значение – лица, принадлежащие к литературной или научной школе, которая локализуется в месте, названном производящей основой». Трахинянки – жительницы древнегреческого города Трахина. При этом «фессалиец» находится в разделе тематических онимов, а Трахин – в Фессалии. Помпеянец – это все же скорее сторонник Помпея, а не житель Помпей (хотя это может зависеть от контекста). И что-то у меня большие сомнения, что Публий Гораций Коклес может быть ядерным антропонимом (с.111). Он же даже не автор, а полупоупендарный герой. Откуда взяться такому количеству контекстов в учебнике?

И Ифигения вряд ли ядерный теоним в значении Артемиды (там же). Да, возможно, что по происхождению «Ифигения» - один из эпитетов Артемиды, но это не значит, что в учебниках этот оним употребляется в подобном смысле, а не указывает на принесенную в жертву дочь Агамемнона. То есть Ифигения может появиться в учебнике как эпитет Артемиды, но одновременно, если автор решит объяснить студентам исходную мифологическую связь богини и принесенной ей в жертву героини, тем более что имена дочерей Агамемнона в разных текстах звучат по-разному. В частотном же употреблении это мифоним, а не теоним. Еще более настораживающим является знак равенства между Зевсом и Агафоном (с. 143). Вы уверены, что речь идет именно о Зевсе, а не драматурге - младшем современнике Еврипида, которого Аристотель считает создателем «вставочных песен»? При этом ранее (с. 37) появляются «отождествленные

спартанский Зевс и Агамемнон». Но здесь речь идет не об отождествлении, а о предполагаемом превращении одного из именовании бога – в героя (как и в случае с Артемидой-Ифигенией). Я не предлагаю вникать во все тонкости божественных эпиклез древних греков – в этом не все мифологи до конца разбираются – но призываю быть чуть аккуратнее в выражениях. Я понимаю, что Светлана Лакина почерпнула это тождество у А.Ф. Лосева, и могу только приветствовать знакомство филолога-русиста с текстами, которые, увы, не все классики осваивают. Но в учебнике по античной литературе Агамемнон не может быть тождественен Зевсу, а Агафон – тем более. Впрочем, при всей увлекательности этих градаций их необходимость не совсем ясна, так как в следующей главе при анализе лексики они практически не используются, хотя эта часть исследования оказывается насыщенной интересными наблюдениями.

В п. 3.3 Частотный анализ антропонимических лексем диссертант, анализируя полученные данные, классифицирует наиболее частотные онимы в каждой из рассматриваемых ЛСГ. Особенно увлекательной и при этом важной как с научной, так и с методической точки зрения является часть, где описываются процедуры деомонимизации. Любопытное наблюдение «из всех мифологических персонажей, которые не являются теонимами, попадает в десятку только Одиссей, но у Тронского он стоит на втором месте, а у Лосева располагается ближе к концу десятки» (стр. 123) получает следующее объяснение: в учебнике Тронского информация об «Одиссее» выносится в отдельный параграф второй главы «Древнейшие литературные памятники». Мне кажется, это наблюдение следовало бы развить. У Лосева ведь тоже есть отдельный параграф по Гомеру, куда же без него. Но называется он «Гомеровский эпос». И основная задача Лосева в нем – обобщение научных исследований гомеровских поэм, характеристики эпического стиля, поэтическая техника и т.п. Авторству Лосева принадлежала монография в серии ЖЗЛ о Гомере, поэтому избранный в учебнике ракурс вполне объясним. Тронский же в главе «Древнейшие литературные памятники» тоже

вполне логично сосредотачивается на сюжете и героях. Таким образом, статистическая плотность онимов оказывается обусловленной общей тематикой главы – и методологией автора учебника в целом. Собственно, в диссертации это подтверждается, но на несколько ином материале – частотности употребления имен Маркса и Энгельса (с. 125). Интересно, что в этом контексте оказался существенным возрастной водораздел: то, что для старшего поколения кажется очевидным (обилие вышеуказанных персоналий в учебниках советского времени), для нового поколения исследователей нуждается в объяснении и теоретизации.

Интересным наблюдением является установленная автором закономерность в отношении высокой частотности употребления ряда антропонимов в главах и разделах учебников, которые им не посвящены» (с. 129). Диссертант устанавливает причины такого использования и типологизирует их (с. 131).

Обращение к материалу смежных дисциплин (в нашем случае, классической филологии) всегда несет в себе некоторые опасности. Большинство из них С. Лакиной удалось преодолеть или обойти, но, к сожалению, не все. Прежде всего это касается анализа теонимов. Впрочем, это было вполне предсказуемо, так как и у классиков-мифологов не всегда сходятся мнения на этот счет. С одной стороны, у нас есть традиционные ряды сопоставлений имен богов греческого и римского пантеона – тут сбиться трудно. Но в одной только греческой части у нас есть масса сложностей в именовании и их систематизации. О некоторых из них уже шла речь выше (Зевс – Агамемнон – Агафон). Сложнее с Аполлоном – он в обеих традициях и Аполлон, и Феб, но трагики предпочитают именовать его Локсий (не исключая, что *metri causa*), что редко находит отражение в учебниках. Жуковский, переведя Гермеса Эрмием, тоже заложил немалую проблему для последующих поколений и тд. Мне кажется, не стоило автору диссертации вникать в сложности происхождения Эриний, Харит и Нереид – для учебников эти нюансы не важны совершенно. А вот разницу между

Аидом и Гадесом, чисто фонетическую, применительно к русскому языку давно пора описать и обдумать. Также как и между Эросом и Эротом. И если в первом случае дело скорее в эстетике, то во втором – в семантике: Эрос – это первостихия, приводящая все в мире в движение, космогоническая потенция, если угодно; Эрот – антропоморфичный бог любви (хотя по-гречески это одно слово, русский язык благодаря двойной традиции заимствования то основы, то формы именительного падежа дает возможность семантической дифференциации). Проблемы эти в работе обозначены, и моя задача тут только пожелать Светлане рассмотреть их подробнее в своей дальнейшей работе. Применительно же к данному исследованию у меня возник вопрос: в чем разница между двойной номинацией, эпиклесой, прозвищем и соименем?

Также в Главе 3 приводится перечень уникальных антропонимических единиц, содержится информация о закономерностях использования синтаксических дериватов, образованных от онимов, проводится частотный анализ топонимических лексем и этнонимических единиц с рассмотрением их морфологических вариантов.

Мне кажется, что разговор о морфологических вариантах обладает большим научным и одновременно практическим потенциалом. В рамках античного материала мы видим достаточно морфологических колебаний, обусловленных традицией, местом (Москва или Ленинград) или временем (60-е или 80-е гг) написания учебника. Их систематизация и унификация может избавить студентов от раздражающей и их, и преподавателей путаницы. Любопытный пример из данной работы – Ефесяне (с. 145), которые существуют только в контексте послания Апостола Павла, а в разговоре о собственно античной литературе становятся эфесцами. А вот в форме «фракиянец» как морфологическом варианте к «фракиец» (с. 146) я не совсем уверена. Не зря мы встречаем, как справедливо замечает автор диссертации, только форму женского рода. Таким образом, у нас получается

пара «фракиец/фракиянка», аналогичная «финикиец/финикиянка». Не нужно придумывать лишнего. С нас хватит и аргосцев/аригивян/аргивцев.

Завершающей частью исследования является Заключение, в котором обобщаются основные наблюдения работы, входящие в выводы по главам. Также для наглядности представления материала в диссертации имеется приложение, включающее 21 таблицу, 7 рисунков и 1 диаграмму и занимающее 120 страниц. Данная часть исследования имеет особую ценность: именно таблицы содержат частотные словники онимов, обнаруживаемых в исследованных учебниках. Наиболее показательными являются таблицы 2-19, включающие частотные антропонимы, теонимы и этнонимы в однотоменных и многотоменных учебниках, а наиболее любопытными, на мой взгляд – таблицы 20-21, содержащие уникальные антропонимические лексемы (вот только Филит у Тронского – скорее всего фонетическая версия Филета Косского, присутствующего и в других учебниках и, соответственно, таблицах).

Все вместе дает возможность представить в структурированном виде полную картину онимической лексики учебников по античной литературе. Несомненный плюс работы - тщательно продуманная система обработки данных и ее последовательное применение. Анализ материала наглядно демонстрирует целесообразность исследования не одного, а целой группы учебников: автор определяет характеристики, различающие ономастикон исследуемых текстов, и, что особенно ценно, дает объяснение этим различиям. В целом следует отметить свойственные диссертационному исследованию непротиворечивость и логичность излагаемых доводов и выводов, информативную насыщенность, а также лаконичность и четкую структурированность. Все эти характеристики свидетельствуют о том, что автором была проделана серьезная научная работа, приводящая к получению нового филологического знания, имеющего как теоретическую, так и практическую ценность. Особо следует отметить дидактический аспект написания исследования, которому автор уделяет внимание во всех разделах

своей работы: приводимые сведения безусловно могут быть использованы в процессе обучения и изучения дисциплины «Античная литература». Составленный с использованием описанной методологии словник отражает не только частотность антропонимов, но и их системные связи и помогает предсказать возможные трудности в усвоении и интерпретации этих единиц студентами.

Большинство замечаний уже было изложено в процессе рассмотрения работы, остались, скорее, вопросы и пожелания:

В работе неоднократно подчеркивается «особый статус ономастической лексики» – хотелось бы четкой формулировки, в чем именно он заключается.

Можем ли мы утверждать, что имена собственные играют в учебниках по рассматриваемой дисциплине особую роль, отличную от других учебников по литературе (русской, французской и т.п.)?

Существует ли (и является ли существенной) специфика введения онима в текст того или иного учебника (выделение курсивом, разрядка, ударения)? Наличие такой стратегии особого графического представления имени может быть средством введения лексического минимума непосредственно в текст.

Сверяли ли вы получившиеся словники с индексами и указателями, имеющими место в конце большинства учебников?

Имеются ли существенные различия в статистических показателях онимической лексики учебниках, озаглавленных «Античная литература» и «История античной литературы». Поясню свою мысль: «Античную литературу» можно свести к перечню персоналий или характеристикам отдельных жанров, «История» – все же предполагает описание развития жанров и литературного процесса. Таким образом, можно предположить, что процент онимов в учебнике «Античная литература» должен быть выше, чем в «Истории». Так ли это?

Высказанные замечания и возникшие вопросы не снижают ценность работы, напротив, показывают важность затронутых диссертантом проблем. Основные положения диссертации достаточно полно отражены в автореферате и публикациях диссертанта.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- 1) Диссертация С.В. Лакиной посвящена актуальной научной проблематике, соответствующей специальности 5.9.5 Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 2) Диссертация является завершенным научным исследованием, имеющим важное значение для изучения ономастического пространства учебных дисциплин и методологии лингвостатистического анализа в целом
- 3) Автореферат диссертации отражает ее содержание.
- 4) Полученные результаты опубликованы в 4 работах в журналах, входящих в перечень ВАК Министерства высшего образования и науки Российской Федерации и апробированы на 5 всероссийских и международных конференциях.
- 5) Выводы и методология диссертации могут использоваться в работах соответствующего направления (изучение ономастического пространства той или иной дисциплины; составление лексических минимумов или словариков учебных дисциплин) а также несомненно будут полезны при подготовке занятий и методических пособий по античной литературе.

Диссертация С.В. Лакиной отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно

приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель С.В. Лакина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5. 9. 5 – «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки).

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры классической филологии филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ЗАБУДСКАЯ Яна Леонидовна

_____

«19» августа 2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

Адрес места работы:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Тел. организации: 8 (495) 939-20-06

Официальный сайт: <https://msu.ru/>

e-mail: classic@philol.msu.ru

Подпись сотрудника

филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Я.Л. Забудской удостоверяю:

руководитель/кадровый работник